

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Юдин Алексей Александрович

**Древнерусский Азбуковник
в рукописной традиции XVI – нач. XVII в.**

Специальность 5.9.1. – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена в отделе редких книг и рукописей
ФГБУН «Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук»

Научные руководители:

доктор филологических наук, профессор

Дергачева-Скоп Елена Ивановна

кандидат филологических наук

Бородихин Андрей Юрьевич

Официальные оппоненты:

Есипова Валерия Анатольевна, доктор исторических наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», зав. сектором изучения и раскрытия фонда Научной библиотеки ТГУ

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», профессор кафедры теории и истории журналистики

Ромодановская Варвара Андреевна, кандидат филологических наук, ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург), старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы

Защита состоится «26» октября 2023 года в 14-00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.9.07.19 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=4970>

Автореферат разослан « » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы и степень ее изученности. Зарождение Азбуковника и его дальнейшее развитие в качестве самостоятельного древнерусского сборника с отдельными структурными заимствованиями из так называемых грамматических сборников, взаимосвязь этих заимствований с рукописями разных типов Азбуковника, влияние новонайденных источников статей словника на появление новой разновидности древнерусского словаря, Азбуковника Давида Замарая, исследованы впервые.

Древнерусский Азбуковник¹ – это лексикографический сборник, который сложился как жанр к концу XVI в. и претерпел ряд изменений в своей структуре позднее. На литературную историю этого древнерусского сборника существенно повлияла переводная литература разного времени, иноязычная лексика которой использовалась древнерусскими книжниками для пополнения словника Азбуковника.

На сегодняшний день исследователями введено в научный оборот более 150 рукописей, содержащих этот лексикографический труд. Многочисленность списков книжного памятника зачастую вводила в заблуждение его первых исследователей, которые лишь на основании отдельных попавших в их поле зрения списков Азбуковника рассматривали его генезис и развитие упрощенно, склонны были считать Азбуковник не изменяющимся с течением времени произведением древнерусской литературы. Такая степень изученности древнерусского словаря порождала два полярных взгляда на многочисленные его списки: их содержание воспринималось как «повторение по большей части одного и того же» (И. П. Сахаров), либо каждый новый изучаемый список мог рассматриваться как новая редакция Азбуковника (Н. И. Баталин, А. П. Карпов).

Стремление объяснить такое литературное явление, каким был в Древней Руси Азбуковник, на примере небольшого числа источников, не вдаваясь при этом в причины его возникновения и особенности

¹ Мы сохраняем определение «древнерусский» применительно к комплексу грамматических и словарных статей, объединенных в один сборник, получивший у современников название «Алфавит, или Азбуковник», чтобы, с одной стороны, подчеркнуть время зарождения и развития жанра, с другой – чтобы объединить в этом определении как первоначальный этап литературной истории Азбуковника, создававшегося разными, в том числе и не известными нам авторами, так и созданные уже в раннее Новое время авторские словари, – Азбуковники Давида Замарая и Сергия Шелонина. Различное написание объекта исследования в работе, с прописной (Азбуковник) или строчной (азбуковник) буквы, вызвано необходимостью разграничить определение жанра, в первом случае, и упоминание о конкретной рукописи, либо о словарной ее части, окруженной произведениями конвоя, в сборнике под названием «Азбуковник».

развития и бытования, обусловило отнесение этого древнерусского сборника к энциклопедическим словарям (К. И. Ширский, А. П. Карпов, А. С. Орлов, М. П. Алексеев).

С середины XX в. изучение древнерусского Азбуковника представлено в основном лингвотекстологическими исследованиями, источниковедческие и литературоведческие работы, посвященные изучению Азбуковника как сборника, практически отсутствуют. Вектор современного научного изучения древнерусского словаря был задан Л. С. Ковтун, перед которой стояла труднейшая задача по классификации многочисленных рукописей, содержащих древнерусский лексикографический свод. Идеи Л. С. Ковтун, отраженные в работах по истории древнерусской лексикографии, исторической семантике и лексикологии², развил ее ученик, А. Н. Левичкин, которому удалось открыть для Третьей разновидности Азбуковника имя ее автора, Давида Замарая. В последнее время, на основании изучения новонайденных списков и палеографического анализа рукописей, исследователь пересмотрел концепцию Л. С. Ковтун о времени появления разновидностей Азбуковника³. Вносит существенные дополнения в устоявшуюся классификацию коллега А. Н. Левичкина по Институту лингвистических исследований в Санкт-Петербурге К. И. Коваленко. Ею выполнено по сути первое после работ А. П. Карпова, А. В. Пруссак и Л. С. Ковтун целенаправленное выявление литературных источников статей словника Азбуковника. Между тем, на наш взгляд, обращение к источникам словарных статей азбуковников поможет решить не только проблемы взаимоотношения его списков, но и стать одним из параметров для выявления разновидностей памятника, датировать появление конкретной разновидности, а также определить контекстуальные связи с другими произведениями древнерусской оригинальной и переводной книжности, как рукописной, так и печатной.

Источниковой базой исследования послужили 45 списков азбуковников Первого и Второго типа, все девять списков Азбуковника

² Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975; Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: (старшая разновидность). Л., 1989; Ковтун Л. С. Азбуковники как памятники книжной культуры // Древнерусское искусство. Рукописная книга: Сборник третий. М., 1983. С. 241–247; Ковтун Л. С. Лексикография Московской Руси нач. XVI–XVII вв. и XVII век как переходный период к новому времени // История русской лексикографии. СПб., 2001. С. 50–58. На основе изучения более ста рукописей, содержащих древнерусские словари, Л. С. Ковтун выдвинула оригинальную классификацию списков, выстроенную по хронологии и включающую «азбуковники подготовительного этапа», семь типов Азбуковника (Первый, Второй и т. д.) и выборочный тип.

³ Левичкин А. Н. О датировке Азбуковника 1596 года // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 541–550.

Третьего типа, древнерусские сборники с лексикографическими сочинениями в составе (15 списков) из древлехранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Владимира, опубликованные произведения древнерусской литературы (в монографиях И. В. Ягича, Н. К. Никольского, М. П. Петровского, М. Фасмера и др.), печатные книги XVI–XVII вв., изданные в типографиях Москвы, Киева, Львова, Почаева, Вильно, Евье, Рохманово и др.

Объект исследования – несколько разновидностей Азбуковника, древнерусского сборника, обладающего структурными особенностями, обусловленными его генезисом, и имеющего развитую рукописную традицию.

Предмет исследования – кодикологические, палеографические, текстологические и структурные особенности сборников, содержащих азбуковники, а также глоссы и сами тексты «книг литовской печати», т. е. вышедших в Великом княжестве Литовском в к. XVI – нач. XVII в. и ставших, как нами устанавливается в ходе исследования, источником большого массива статей новой, Третьей, разновидности древнерусского словаря, или Азбуковника Давида Замарая. Содержание статей словника в азбуковниках разных типов, структурные особенности этих статей в его составе, сочинения в конвое словников разных азбуковников, владельческие, вкладные и запродажные записи в рукописях, содержащих древнерусские словари, которые остаются значимыми для истории их бытования и литературного развития жанра, также послужили предметом изучения в данном исследовании.

Основная цель диссертационной работы – на основе источниковой базы, которой является ряд рукописных и печатных памятников, связанных с лексикографической и грамматической традицией Московской Руси, исследовать процесс зарождения и основные этапы развития Азбуковника как сборника.

Поставленной цели соответствует решение **ряда задач**:

установить структурные изменения Азбуковника: показать историю его сложения и эволюции от грамматического к лексикографическому сборнику;

выявить жанровые трансформации Второй разновидности Азбуковника;

на основе исследования структурных изменений конвоя **распределить** списки Второго Азбуковника на группы;

выявить источники, определить структурные особенности Азбуковника Давида Замарая;

реконструировать этапы литературной истории Азбуковника Давида Замарая.

Методологическая база исследования. Исследование выполнено в русле литературного источниковедения и базируется на системном

подходе, сочетающем историко-функциональный и типологический методы, позволяющие рассматривать азбуковник как непрерывно эволюционировавший тип сборника с определенными жанровыми константами, а также с привлечением методов текстологии, кодикологии, палеографии, филигранологии при решении задач комплексного анализа изучаемых рукописей и представленных в них сочинений. Использовался также герменевтический метод, призванный обеспечить необходимую интерпретацию различных уровней текста.

Теоретической базой исследования послужили работы по исторической лексикографии А. П. Карпова, М. П. Алексеева, Л. С. Ковтун, А. Н. Левичкина и К. И. Коваленко, по истории русской литературы и языка С. Матхаузеровой, Р. П. Дмитриевой, В. В. Колесова, И. В. Ягича, М. Фасмера, истории кирилловского книгоиздания XVI–XVII вв. Г. Я. Голенченко, А. В. Вознесенского и Н. В. Николаева.

Исследование фундировано многолетней работой по изучению древнерусского сборника, которая велась под руководством проф. Е. И. Дергачевой-Скоп на кафедре источниковедения литературы и древних языков Гуманитарного института Новосибирского государственного университета⁴. При этом подходе древнерусский четий сборник понимается как уникальный феномен русской литературы с точки зрения эволюционной динамики формы, как «система устойчивая, имеющая каноническую основу, и одновременно динамичная, нарушающая собственные каноны своего конструирования»⁵.

Научная новизна диссертации.

В результате исследования впервые:

вводится в научный оборот ряд рукописей, содержащих азбуковники;

отдельные книжные памятники с помощью комплексного научного анализа были изучены на предмет достижения определенных результатов: уточнены датировки рукописей, выявлены неизвестные произведения

⁴ См. проекты, выполненные в рамках программ Минобрнауки РФ: «Древнерусская повесть и ее контекстуальные связи в традиционных рукописных сборниках конца XV – начала XX веков: текст–контекст» (2002), «Повествовательное пространство древнерусских рукописных сборников XV–XVIII веков: текст–контекст» (2004), «Динамика текстов рукописных сборников в литературном процессе XV–XVIII веков: текст–контекст» (2005), «Древнерусский четий сборник как литературный факт: канон и творческие модификации» (2009–2011).

⁵ *Дергачева-Скоп Е. И.* Динамическая система функционирования четых сборников постоянного состава: к проблеме специфики их бытования, обусловленной развитием их генетической жанровой константы // Отчет по проекту аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы) – «Древнерусский четий сборник как литературный факт: канон и творческие модификации». Новосибирск, 2010. С. 14.

в конвое словарей, проведена колляция списков Азбуковника для выяснения их зависимости друг от друга;

исследованы законы модификации Азбуковника разных типов;

проанализирован процесс трансформации лексикографического свода в грамматическом сборнике на раннем этапе развития жанра;

конкретные списки распределены по группам внутри отдельной разновидности памятника;

выявлены ранее неизвестные источники словарных статей нового типа Азбуковника авторства Давида Замаарая;

описаны причины появления новой разновидности Азбуковника.

Теоретическая значимость исследования заключается в целостном осмыслении истории развития жанра Азбуковника как древнерусского сборника постоянного состава и разработке типологической характеристики такого сборника. В диссертации показан путь формирования нового жанрового древнерусского сборника от кодекса с грамматическим и лексикографическим комплексом статей к сборнику-словарю, окруженному вспомогательными статьями. Новонайденные источники словарных статей Азбуковника дают представление о методах работы древнерусского книжника, расширяют представление об использовании иностранной лексики в русском Средневековье.

Практическая значимость исследования состоит в использовании его материалов для распределения и классификации неизученных и новонайденных списков азбуковников. Также настоящая диссертационная работа позволит будущим составителям описаний собраний древнерусских рукописей при изучении списков азбуковников дать этим спискам более точную характеристику, на основании указанных в тексте диссертации признаков отнести их к той или иной разновидности древнерусского словаря. Указание на точные источники литературных статей Азбуковника Давида Замаарая позволит историкам литературы и языка скорректировать свои знания о появлении и бытовании того или иного слова в русском обиходе раннего Нового времени, использовать эти знания для подготовки специальных курсов и программ в педагогической деятельности, а также поможет в разработке материалов для статей и монографий в научной работе. Обнаружение целого массива источников словарных статей новой разновидности Азбуковника позволяет приблизить публикацию этого книжного памятника.

Степень достоверности исследования обеспечивается репрезентативностью источниковой базы – обращением к рукописям древнерусской традиции XVI–XVII вв. и книгам «литовской» печати XVI – начала XVII в., а также комплексным анализом привлеченных для исследования рукописей, сочетающим методы специальных дисциплин: текстологии, палеографии, кодикологии, филигранологии и т. д.

Положения и выводы исследования подтверждены рецензиями на статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в форме докладов и сообщений на конференциях и семинарах различного уровня: «Шестые Макушинские чтения»: региональная научно-практическая книговедческая конференция (Новосибирск, 20–22 мая 2003 г.); «Сибирь на перекрестье мировых религий»: II Межрегиональная научно-практическая конференция (Новосибирск, 28–29 октября 2004 г.); «IX Макушинские чтения»: региональная научная конференция (Барнаул, 15–16 мая 2012 г.); «Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени»: к юбилею чл.-кор. РАН Е. К. Ромодановской: Всероссийская научная конференция (Новосибирск, 4–8 июня 2012 г.); «Научные библиотеки России: взгляд в будущее»: Межрегиональная научно-практическая конференция (Новосибирск, 26–28 сентября 2012 г.); «Берковские чтения–2017. Книжная культура в контексте международных контактов»: IV Международная научная конференция (Полоцк, 24–25 мая 2017 г.); «Дергачевские чтения–2018: Литература регионов в свете гео- и этнополитики»: XIII Всероссийская научная конференция (Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.); «Наследие»: Международный научный форум (Новосибирск, 29–30 октября 2018 г.); «Источниковедение русской литературы и языка (археография, текстология, поэтика)»: Всероссийский научный семинар (Новосибирск, 11–13 декабря 2019 г.); «Россия и Британия: идеи и ценности в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»: Международный научный семинар (Екатеринбург, 10 июля 2020 г.); «Редкие фонды в образовании, исследованиях и социокультурных практиках: опыт библиотек, музеев и архивов»: Всероссийская научная конференция к 75-летию отдела рукописей и книжных памятников НБ ТГУ (Томск, 17–18 декабря 2020 г.); «Двенадцатые Макушинские чтения»: международная научно-практическая конференция (Тюмень, 25–27 мая 2021 г.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Возникновение древнерусского сборника под названием «Алфавит, или Азбуковник» обусловлено предшествующим развитием сборников с грамматическими сочинениями в русской литературе конца XV–XVI вв.

2. Структура Азбуковника связана по происхождению со структурой грамматического сборника, имеющего в составе сочинения разного объема и функциональной направленности (эротемата, учебное произведение, предуведомление к тексту, исторический экскурс и т. д.), а также предисловия к этим текстам.

3. Изучение сочинений в конвое словника позволяет выделить Грамматическую и Федоровскую группы рукописей Второй разновидности Азбуковника.

4. Процесс развития Азбуковника от Второй к Третьей разновидности – Азбуковнику Давида Замааря заключается в уменьшении его конвоя, состоящего из грамматических сочинений, путем их сокращения либо инкорпорирования в словник, вплоть до удаления и оставления кратких функциональных предисловий.

5. Этапы эволюции Азбуковника Давида Замааря реконструируются путем точного установления источников его «простомовных» статей.

Личный вклад автора. Впервые поставлен вопрос о непрерывном развитии сборников грамматического содержания, имевших непостоянный состав, и их преобразование в сборники постоянного состава со словарным разделом во главе, получившие название Азбуковник. Ряд рукописей введен в научный оборот и исследован также впервые.

Прослежена трансформация грамматических сочинений: от самостоятельных произведений внутри грамматических сборников до вспомогательных произведений конвоя словника Азбуковника. На основе сравнительных наблюдений над составом грамматических сборников и рукописей с Азбуковником объяснена зависимость структуры Азбуковника от структуры предшествующих ему сборников с грамматическими сочинениями.

Выявлены группы рукописей Второго Азбуковника со схожими типологическими чертами, которые предлагается называть Грамматическая и Федоровская. В этом контексте исследования важным фактором стало привлечение списков азбуковников из сибирских хранилищ.

Рассмотрение всех рукописей Азбуковника Давида Замааря позволило впервые выявить целый комплекс книг «литовской печати», которые послужили источниками словарных статей новой разновидности древнерусского лексикографического памятника. Обнаружение этих источников объяснило причины появления и угасания новой словарной традиции.

Структура диссертации. В соответствии с целями и задачами исследования работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка литературы (203 наименования, из них пять на иностранных языках), списка источников (74 рукописи и 20 старопечатных изданий), а также двух приложений (1. «Источники статей Азбуковника Давида Замааря по списку РГБ, собр. Г. Г. Юдина, № 4» и 2. «Источники статей Азбуковника Давида Замааря по списку РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1642»).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обоснована актуальность темы, рассмотрена степень ее изученности, определены цели и задачи, объект и предмет, представлены методологическая и теоретическая база исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, степень достоверности результатов, апробации, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В *Главе 1 «Азбуковник в исследовательской традиции»* изложены итоги исследований этого древнерусского сборника, обосновывается необходимость изучения ранней рукописной истории Азбуковника, источников его словарных статей и группировки списков разных типов книжного памятника.

Интерес к изучению древнерусских азбуковников был проявлен учеными-археографами уже в начале XIX в., когда на научной основе создаются описания собраний русской средневековой книжности. К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, А. Х. Востоков на долгое время заложили основы изучения списков азбуковников. Многочисленность этих списков в различных собраниях привела к необходимости издания Азбуковника. Однако попытка, предпринятая И. П. Сахаровым, уже современниками издателя была признана неудачной (А. Х. Востоков), так как ученый произвольно объединил два азбуковника⁶ при публикации, не считаясь с историей текста памятника. Стремясь дополнить работу И. П. Сахарова, Ф. И. Буслаев в обширной рецензии на его труд высказывает верную, на наш взгляд, мысль об обращении к изучению источников словарных статей Азбуковника. Тем не менее логика его рассуждений указывает на то, что ученый видит в Азбуковнике уже устоявшийся лексикографический жанр, который не требует изучения его литературной истории, решения проблемы изменений в словнике и выявления различных редакций памятника. В русле заложенной И. П. Сахаровым и Ф. И. Буслаевым парадигмы изучения рукописей Азбуковника держались и другие его исследователи (К. И. Ширский, Н. И. Баталин) и авторы обзорных работ по истории древнерусской литературы и рецензий на них (М. И. Сухомлинов, А. Д. Галахов, Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин).

Среди небольшого числа работ, которые напрямую были посвящены изучению Азбуковника, следует выделить монографию А. П. Карпова. В ней автор стремился дать общую характеристику рассматриваемым им рукописям, а также задался вопросом отыскания источников словарных статей Азбуковника. Однако слишком позитивистский подход вынудил исследователя отнести статьи словаря к определенным наукам, разделив

⁶ Как выяснилось позднее, были объединены словники Первого и Второго Азбуковника (См.: Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: (старшая разновидность). Л., 1989. С. 19).

их на две части: лексикографическую (языковедение и грамматика) и литературную (философия, библиография, география, орнитология и др.). Этот подход не предполагал детального рассмотрения литературных источников каждой статьи, ученый лишь утверждает, что встречающиеся в рукописях авторские глоссы-указания на источник «большую частью показываются верно»⁷. Кроме того, А. П. Карпов изучал рукописи только из одного книжного собрания – Соловецкой библиотеки. Также на основе лишь одного фонда, древлехранилища Императорской Публичной библиотеки, было составлено описание хранящихся там азбуковников А. В. Пруссак. Исследовательница больше внимания уделяла языковым характеристикам разных списков, на основе наблюдения над которыми она отнесла их переписчиков к носителям разных диалектных групп русского языка.

Начиная со второй половины XIX в. из-за недостаточной изученности рукописей, содержащих древнерусский словарь, либо ошибочности представлений о составе древнерусского лексикографического сборника наметилась тенденция к расширению понятия Азбуковник и отнесению к азбуковникам различных сборников педагогической направленности (Д. Л. Мордовцев, И. М. Тарабрин). Рассмотрение Азбуковника в качестве сборника энциклопедического типа (А. С. Орлов) также можно объяснить неверными представлениями о взаимоотношении и взаимовлиянии произведений в составе этого сборника, общей неизученностью его состава и процессов сложения сборника, в конечном счете, – отсутствием исследований по его литературной истории. Намеченная И. В. Ягичем в конце XIX в. задача публикации текста памятника, к сожалению, не была доведена до конца, ученый изучил и издал лишь некоторые произведения конвоя словаря. Из-за нерешенной проблемы с изданием текста книжного памятника, так как к изданию, осуществленному И. П. Сахаровым, уже современники относились критически, исследователям в научной работе вплоть до второй половины XX в., когда появляются первые научно обоснованные публикации «азбуковников подготовительного этапа» и Первого Азбуковника, выполненные Л. С. Ковтун, приходилось обращаться к случайно отобраным ими рукописям с Азбуковником. При таком подходе до определенного времени не существовало разграничения на частное и общее, сведения, полученные из отдельных списков, понимались как присущие каждой рукописи Азбуковника.

Древнерусский словарь таким образом представлялся в научной литературе как целостное и законченное в своем развитии литературное явление до появления фундаментальных работ Л. С. Ковтун.

⁷ Карпов А. П. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877 (обл.: 1878). С. 168.

Глава 2 «Структура Азбуковника: от грамматического к лексикографическому сборнику» состоит из трех разделов. В первом из них, *«Лексикографические сочинения в переводческой практике XV в.»*, с опорой на работы В. В. Колесова о языкознании у древних славян и на выявленные и рассмотренные С. Матхаузеровой теории перевода, последовательно сменявшие друг друга в Древней Руси, показана роль средневековой переводческой практики и представлений о грамматических знаниях русского книжника в появлении первых лексикографических опытов в составе древнерусских сборников. По мнению Р. П. Дмитриевой, именно в XV в. на Руси складывается новый тип сборника, который исследовательница называет энциклопедическим, его возникновение связано «с определенными идейными и литературными явлениями». Факт появления такого явления, каким выступает энциклопедический сборник, можно считать не столько книжным, сколько общественным. Фактором же, повлиявшим на разработку языковедческих тем в древнерусской письменности, стал на рубеже XV–XVI вв. идеологический конфликт между Православной Церковью и новгородско-московскими еретиками. Именно из среды еретиков выходит «Лаодикийское послание», сочинение, состоящее из трех частей, центральное место в котором занимает «Литорей в квадратах», таблица с парами кириллических букв с краткими фонетическими, грамматическими, лексическими и графическими сведениями. К своеобразному дополнению или объяснению к «Лаодикийскому посланию» исследователи относят «Написание о грамоте». Как установлено А. И. Клибановым, «Написание о грамоте» вышло из-под пера представителя новгородско-московской ереси дьяка Федора Курицына, который является создателем «Лаодикийского послания», судя по третьей части этого сочинения, – шифрованной записи к нему. На основании сравнения обоих текстов исследователем установлено, что им присущи общие черты, к которым относятся: «требование “прямоты и гладкости” в священных книгах; практика, направленная к исправлению священных текстов на началах общедоступности; практическая замена церковно-славянизмов в языке словами, заимствованными из просторечия»⁸. Нетрудно заметить, что идеи, высказанные о переводческой практике в произведениях, вышедших из круга «жидовствующих», близки к концепции перевода, отстаиваемой позднее Максимом Греком, традиционно считающимся в древнерусских рукописях создателем жанра Азбуковника.

Второй раздел Главы 2 *«“Книга глаголемая Буквы”»: структура и бытование текста»* посвящен рассмотрению ранее малоизученного произведения, имеющего тематическую близость как с «Лаодикийским

⁸ *Клибанов А. И.* «Написание о грамоте» (Опыт исследования просветительно-реформационного памятника конца XV – первой половины XVI века) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1955. Вып. 3. С. 371.

посланием», так и с «Написанием о грамоте», и часто встречающегося с ними в сборниках. На основании изучения рукописной традиции выявлены составные части «Книги глаголемой Буквы» («Предисловие о Букве», «Надписание о Букве, рекше об Азбуце», «Повесть собравшегося Буквы»), установлен ее автор – книжник Герасим Ворбозовский. Сложность в определении структуры и частей этого произведения состояла в том, что «Книга глаголемая Буквы», как и многие другие древнерусские тексты могла быть используема книжниками как полностью, так и частично для создания новых текстов. Кроме того, как подчеркивается И. В. Ягичем, своеобразная «текучесть» состава произведений в грамматических сборниках, переход одного произведения в другое была их характерной особенностью. Поэтому полный состав «Книги глаголемой Буквы» установить довольно трудно, однако ее зависимость от книжности «жидовствующих» несомненна. Кроме идейной близости (по А. И. Клибанову), заслуживает внимания тот факт, что единственный раз упомянутое имя автора «Книги» находится в сборнике «Миротворный круг», напрямую связанном с новгородско-московскими еретиками. Объединение статей грамматического и пасхально-астрономического (вызванного, прежде всего, эсхатологическими ожиданиями) содержания характерно для литературных сборников, относящихся к кругу книжников-«жидовствующих»: «Лаодикийское послание», «Написание о грамоте», «Книга глаголемая Буквы» соседствуют в этих сборниках с «Предисловием святцам», «О лунном течении», «О фаске жидовской» и т. д. Анализ состава нескольких такого рода рукописей показал, что такой сборник более устойчив по сравнению с энциклопедическими сборниками XV в., а среди произведений грамматического блока находятся словарно-ономастиконы Максима Грека и «азбуковники подготовительного этапа».

В разделе 2.3 «*Формирование композиции Азбуковника: факторы и источники*» доказывается, что структура Азбуковника как сборника, состоящего из грамматической части и словника, сформировалась на основе структуры грамматических сборников, имевших в своем составе сочинение Герасима Ворбозовского «Книга глаголемая Буквы». Имея сама «текучий» состав, «Книга» повлияла на композицию зарождающегося Азбуковника в части грамматических произведений, служащих своеобразным предисловием к собственно словарной его части. С расширением словарных статей в словнике азбуковников подготовительного этапа увеличивается объем грамматического сборника, в который они входят, словарные статьи начинают играть первостепенную роль в таком сборнике. Составные части «Книги глаголемой Буквы» уходят на второй план, выступая в роли предуведомительных статей к словарю. Композиционная путаница в системе заглавий, основной части произведения и послесловия «Книги», ярко представленная в одном из сборников (РГБ, собр. МДА, № 103) и проанализированная в качестве

примера в настоящем исследовании, сохраняется в предисловной части Азбуковника, становясь его структурной особенностью. При этом календарно-эсхатологические сочинения, присущие грамматическим сборникам ранее, исчезают совсем. Энциклопедический сборник, связанный с ересью жидовствующих, состоящий в основе из грамматических сочинений, необходимых для теории и практики перевода, с небольшим количеством произведений словарного жанра и календарно-эсхатологическими статьями, за счет их утраты, а также расширения словника и заимствования структуры одного из грамматических сочинений в предисловной части, становится древнерусским лексикографическим сборником – Азбуковником.

В *Главе 3 «Жанровая трансформация Азбуковника к XVI в.»* показано влияние конвоя Азбуковника на развитие жанра. Если азбуковники подготовительного этапа, не сложившиеся еще в тематические сборники, и рукописи Первого Азбуковника, созданного в русле византийской традиции и связанного с именем Максима Грека, были изучены Л. С. Ковтун (она же опубликовала тексты этих книжных памятников), то Второй Азбуковник, представленный наибольшим количеством списков по сравнению с другими разновидностями древнерусского словаря, не получил еще должного научного освещения.

Отличительной особенностью Второго Азбуковника является значительное включение словарных материалов из «Речи тонкословия греческого», словаря-разговорника XV в. Обнаруженное вливание лексики этого разговорника в Азбуковник изменило представление о нем как об энциклопедическом сборнике. К тому же автор-составитель Второго Азбуковника заимствовал статьи из печатного «Лексиса» Лаврентия Зизания, выпущенного как дополнение к его же «Грамматике» в Вильно в 1596 г. Если, как нам представляется, структура словника нового типа Азбуковника заимствует структуру русско-греческого разговорника с его разбиением на тематические группы лексики с заголовками, которые чаще всего, как и в «Речи», находятся в тексте, но имеют тенденцию к перемещению в область глосс, на поля рукописи; то в части конвоя словника Второй Азбуковник заимствует структурные особенности грамматических сборников с «Книгой глаголемой Буквы» в составе. Ряд сборников, содержащих Второй Азбуковник, открывается выписанным вязью заглавием: «Книга глаголемая Буквы, иже в начале от Грамматикия/ о просодиях о еже како во святых книгах каяждо пословица писати и глаголати. Просодиям имена». После нескольких грамматических сочинений («Начало букв по ортографии», «А се осмочастне от грамматикия», «О тонкогласных и дебелогласных» и др.) в предисловной части Второго Азбуковника помещается заголовок «Книга глаголемая Алфавит, начало имуще сказание вкратце», который открывает

небольшую, составленную «по образцу Повести Временных лет»⁹ статью о славянской азбуке, сменяющуюся рядом других грамматических сочинений, одно из которых, «О Етимологии», оканчивается такими словами: «Конец Етимологии и самом Буквам». Затем, непосредственно перед словником Азбуковника, открываемым заставкой и вязью, следует «Предисловие Лексису о неудобь разумеваемым речем». При этом само слово «Лексис», отсылающее к лексикографическому труду Зизания, в некоторых поздних рукописях заменяется в заголовке этого функционального, объясняющего правила пользования словарем «Предисловия» словом «Алфавит». Таким образом, комплекс грамматических сочинений «Книга глаголемая Буквы» оказывается разделен составной частью «Книги глаголемой Алфавит», что, на наш взгляд, структурно повторяет распределение частей «Книги глаголемой Буквы» в предшествующих созданию Азбуковника грамматических сборниках.

Так как древнерусский словарь Второй разновидности в ряде рукописей окружен устойчивым комплексом грамматических сочинений, «Книгой глаголемой Буквы», предлагается по этому признаку (устойчивый конвой Азбуковника) объединить эти рукописи в «Грамматическую» группу. Она наиболее многочисленна по представленным рукописям, кроме рассмотренных нами в исследовании шести¹⁰, по основным характерным признакам к ней можно отнести еще 23 рукописи¹¹.

Другая группа рукописей Второго Азбуковника также характеризуется наличием постоянного конвоя его словника, представленного Сказанием черноризца Храбра «О писменех», «Предисловием» Иоанна экзарха Болгарского к «Богословию» Иоанна Дамаскина и Предисловием к Азбуковнику, озаглавленному в рукописях Грамматической группы как «Предисловие Лексису о неудобь разумеваемым речем». Здесь это предисловие имеет другое название: «Ино сказание книзе сей, нарицаемой Алфавит, сиречь Азбуковник». Кроме этого устойчивого, но сокращенного, по сравнению с Грамматической группой, окружения, рукописи этой группы характеризуются меньшим числом отсылок к лексикографическим источникам статей, отдельные статьи отредактированы в их толковой части. Сочинение черноризца

⁹ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1895. С. 743–744.

¹⁰ РГБ, МДА 93; РГБ, МДА 199; РНБ, Погод. 1145; БАН, Арх. 841; ИРЛИ, Перетц 105 и НБ ТГУ, Витр-758.

¹¹ ГИМ, Барят. 84; ГИМ, Синод. 353; ГИМ, Увар. 310; ГИМ, Увар. 675; ГИМ, Хлуд. 230; РГБ, Рум. 1; РГБ, Тихонр. 40; РГБ, Тихонр. 201; РГБ, Унд. 972; РГБ, Унд. 976; БАН, 17.9.18; БАН, 24.5.24; БАН, 32.3.13; БАН, Арх. С209; РНБ, Q.XVI.4; РНБ, Q.XVI.6; РНБ, Q.XVI.20; РНБ, Q.XVI.21; РНБ, Q.XVI.23; РНБ, Погод. 1660; РНБ, Солов. 13/13; РНБ, Солов. 14/14; РНБ, Солов. 19/19.

Храбра представлено в этих рукописях особой редакцией памятника: именно этот вариант «Сказания» помещен Иваном Федоровым в Азбуку, изданную в Остроге в 1578 г. В исследовательской литературе она получила название «Федоровской»¹². По аналогии с выявленным постоянным составом конвоя азбуковников Грамматической группы, рукописи с Азбуковником, имеющими в своем окружении помимо прочих указанных сочинений Федоровскую редакцию «Сказания о писменех» черноризца Храбра, мы предлагаем относить к отдельной группе Азбуковника Второго типа и называть, по одному из характерных признаков (наличие указанной редакции одного из произведений), – «Федоровской». К рукописям этой группы мы относим две рассмотренные в исследовании рукописи¹³, а также еще 13 сборников¹⁴.

Несмотря на выявление столь характерных признаков для отнесения списков Второго Азбуковника к Грамматической или Федоровской рукописным группам, часть рукописей с этой разновидностью древнерусского словаря не может быть отнесена ни к одной из них, так как либо изменения в части произведений конвоя и словника подчинены авторскому замыслу по созданию Азбуковника «Особого» вида (как, например, в томской рукописи Витр-856), либо списки Азбуковника могут быть рассмотрены как промежуточный этап в переходе от Грамматической в Федоровскую группу (БАН, Арх. 474), или служат материалом для создания нового, Третьего типа древнерусского словаря, или Азбуковника Давида Замарая (ГПНТБ СО РАН, Тих. 71).

Глава 4 «Азбуковник Давида Замарая: жанр, структура, источники» посвящена изучению новой авторской разновидности древнерусского словаря, связанной с именем справщика Московского печатного двора. В первом разделе главы «Обзор списков новой разновидности Азбуковника» дается характеристика всем известным на данный момент девяти рукописям, содержащим этот Азбуковник. Представлен филигранологический, кодикологический и палеографический анализ списков, выявлены и атрибутированы все владельческие, вкладные, запродажные и читательские записи в рукописях. На основе изучения рукописного материала подтверждена гипотеза Л. С. Ковтун о существовании особой, «Сийской» редакции Третьей разновидности словаря, связанной с Антониево-Сийским монастырем и представленной большей частью – пятью рукописями этого

¹² Степанова А. Ю. Русские редакции Сказания черноризца Храбра «О письменах» в литературном контексте XIV–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999. С. 148. (Машинопись).

¹³ РНБ, Погод. 1081 и ГПНТБ СО РАН, Тих. 99.

¹⁴ ГИМ, Увар. 543; ГИМ, Чудов. 297; РГБ, Писк. 197; РГБ, Прянишникова, 75; РГБ, Тихонр. 530; РГБ, Унд. 974; РГБ, Унд. 977; РНБ, Q.XVI.2; РНБ, Q.XVI.3; РНБ, Погод. 1650; РНБ, Солов. 15/15; РНБ, Солов. 17/17; РНБ, Эрм. 213.

Азбуковника (БАН, Арх. 446; БАН, Арх. 445; ГПНТБ СО РАН, Тих. 501; БАН, Арх. Д524; Вл-Суз., 5636/457). Три из этого числа рукописей при анализе почерков, которыми они написаны, и наблюдении над отдельными статьями оказались зависимыми друг от друга¹⁵. Одна из них, не случайно названная Л. С. Ковтун самой ценной из сибирских списков¹⁶, как нам удалось установить, одно время обреталась в кругу родственников юного М. В. Ломоносова в окрестностях Холмогор¹⁷.

Отнесение Л. С. Ковтун одной только рукописи, РНБ, Погод. 1642, к «Первой» редакции Третьей разновидности книжного памятника¹⁸, на наш взгляд, вызвано пристальным вниманием исследователей именно к этому списку из-за представленной в нем шифрованной записи в Предисловии автора-составителя этого типа Азбуковника с датой и местом его создания. Между тем при рассмотрении трех рукописей, которые мы условно называем «авторскими», так как в них имеются шифрованная (РНБ, Погод. 1642), выходная (РГБ, Юдина 4) и вкладная (БАН, Арх. 446) записи с упоминанием во всех трех имени автора, Давида Замарая, однозначно видеть в Погодинском списке «Первую» или «Краткую» редакцию памятника не представляется возможным. Анализ филиграней показал, что Погодинская рукопись была создана в 30-е гг. XVII в., и ее можно было бы рассматривать как список с неизвестной пока рукописи-протографа с датой создания, 1596 г., в Предисловии к словнику.

Однако наличие в словнике статей, источниками которых послужили книги литовской печати, выпущенные гораздо позднее этой даты, предполагает более сложные взаимоотношения между отдельными рукописями Азбуковника Замарая и не дает возможности на данном этапе исследования говорить о первенстве именно Погодинской рукописи в ряду всех известных списков Третьего Азбуковника. Так, изучение нами ставшей известной относительно недавно рукописи замараевского Азбуковника¹⁹, результаты которого отражены в разделе 4.2 «Проблема

¹⁵ Юдин А. А. Новгородский Азбуковник: литературные источники, списки, редакции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 93–94.

¹⁶ Ковтун Л. С. Азбуковники из сибирских хранилищ // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1990. С. 156.

¹⁷ Юдин А. А. Древнерусские азбуковники в собрании Музея книги ГПНТБ СО РАН // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. С. 83–84.

¹⁸ К. И. Коваленко предлагает называть ее «Краткой», так как по сравнению с другими сходными списками словотолкования в единственной рукописи, ее представляющей, носят сокращенный вид (Коваленко К. И. Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. С. 15.).

¹⁹ РГБ, собрание Г. Г. Юдина, № 4.

датировки *Азбуковника Давида Замааря*», позволило выявить целый пласт лексики, который справщик заимствует из «Зерцала Богословии» Кирилла Транквиллиона, изданного в Почаеве в 1618 г. Эта находка вместе с выявленными ранее статьями словника из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, выпущенной в 1619 г., присущими, как и статьи из «Зерцала», всем «авторским» рукописям словаря Замааря, на первый взгляд, говорит не в пользу его создания в 1596 г. Однако мы не склонны считать эту дату ошибочной, как А. Н. Левичкин, и относить появление *Азбуковника Давида Замааря* к началу XVII в. (А. Н. Левичкин, К. И. Коваленко), а рукопись из РГБ – первичной по отношению к другим спискам (К. И. Коваленко)²⁰. На наш взгляд, Погодинский список отражает черты протографа в предисловной части (с датой и местом создания), но несет в себе изменения в словнике по сравнению с этим протографом. Подтвердить это наше мнение, как и пролить свет на взаимоотношения известных на данный момент рукописей, может обнаружение еще не найденных списков этого *Азбуковника*. Представленные единичными списками, кроме «Сийской», новоназванные редакции *Азбуковника Замааря* требуют более глубокого обоснования их выделения в отдельные группы.

Трудности в изучении литературной истории Третьего *Азбуковника* напрямую были связаны с проблемой поиска источников его статей. Только в рукописи из собрания Г. Г. Юдина встречается маргиналия-указание на источник некоторых статей нового *Азбуковника* – печатную книгу, «Зерцало Богословии». Остальные «польские»²¹ слова в словнике рукописей были отмечены по подобию слов, пришедших из «Речи тонкословия греческого» еще во Второй *Азбуковник*. Отсюда, вероятнее всего, и проистекает рассмотрение этих слов как заимствований из разговорного языка соседнего польско-литовского государства или вовсе как польских заимствований (S. Kochman, M. O. Nowak).

Обнаружение нового точно установленного печатного источника статей Третьего типа *Азбуковника* (о влиянии «Лексиса» и «Грамматики»

²⁰ К. И. Коваленко относит эту рукопись к «Замаараевской» редакции (*Коваленко К. И. Азбуковник Давида Замааря... С. 14*). На наш взгляд, эта черновая рукопись-автограф Давида Замааря отличается от «сийских» рукописей и Погодинской большим количеством «польских» статей, однако выделение ее в отдельную редакцию преждевременно.

²¹ Термины «поляк», «польской нации», «польской породы» применительно к населению Западной Руси «имели смысл не этнографический и даже не политический, а скорее – географический», т. е. рассматривались как подвластные Польше (См.: *Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. X*). Поэтому и «польский» язык в данном контексте следует рассматривать как язык жителей Великого княжества Литовского, т. е. «проста мова», на котором печатается в изучаемый период времени обширная полемическая литература.

Зизания на Второй тип было известно давно) позволило считать и все другие «польские» слова словника взятыми из книг литовской печати. Раздел 4.3 «Источники словарных статей нового Азбуковника» диссертации посвящен выявлению лексики в печатных книгах, которая использовалась книжником для пополнения словаря. Хронологические рамки поисков были заданы датами шифрованной и вкладной записей, 1596 и 1632 гг. соответственно. Благодаря каталогам украинской и белорусской старопечатной книги, составленным Т. Н. Каменево́й, А. А. Гусево́й, И. М. Полонско́й, Г. Я. Голенченко, А. В. Вознесенским, Н. В. Николаевым, осуществлена выборка изданий, вышедших за это время.

В первую очередь внимание было обращено к другому, более известному, труду автора «Зеркала», «Евангелию учительному», изданному в 1619 г. в Рохманово. Как удалось выяснить, автор русского словаря не только копирует глоссы «Евангелия», что вполне согласуется с процессом создания древних словарей, он выбирает и слова из текста книги, на что указывают многочисленные примеры заимствованной лексики, представленные в словаре не в заголовочной форме и точно соотносимые с конкретными печатными примерами. Однако трудность выявления подобных источников состоит в том, что иногда справщик не точно копирует то или иное слово из книги, прибегая к контекстному объяснению. Возможно, Давид Замарай, как глава справщиков, мог быть привлечен к рассмотрению «Евангелия» на предмет соответствия православной экклезиологии, наряду с богоявленским игуменом Ильей и священником Иваном Наседкой. Другой популярной полемической «литовской» книгой, которой мог воспользоваться Давид Замарай, была виленская «Книга о вере» 1596 г., она была очень хорошо известна в Москве, на нее ссылались и активно ею пользовались все тот же Иван Наседка и Иван Хворостинин. Заимствованная лексика виленского издания перекликается с заимствованиями из его киевского дополненного переиздания, вышедшего в 1619–1620 гг.²², «Книгой о вере единой святой соборной апостольской церкви».

Среди статей, отмеченных Замараем как «польские», есть явно латинские и греческие по происхождению. Объяснить это явление ошибками писца или автора-составителя словаря было бы неверно, так как оно носит систематический характер. Проблема разрешилась при обнаружении точных соответствий заголовочных слов статей Азбуковника с латинскими и греческими словами в «Книге о вере единой». Это подтвердило высказанную нами мысль о книжном характере «польских» заимствований, о приобретении Азбуковником «польских» слов из книг

²² Точной даты выхода в свет этой книги исследователями книг старой печати пока не установлено.

литовской печати. Такого же рода «польские» слова, наряду с явно «простомовными», книжник берет и из других киевских изданий. На конкретных примерах установлено, что в руках Замарая были «Беседы св. Иоанна Златоуста на 14 Посланий апостола Павла» (1623) и «Беседы св. Иоанна Златоуста на Деяния апостольские» (1624). При этом характерный печатный греческий курсив, набранный мелким шрифтом, снабженный к тому же определенным набором лигатур и сокращений, русский книжник не всегда мог разобрать, отчего в словаре появлялись искаженные заголовочные слова с верным их объяснением²³. Ошибки прочтения и восприятия плохо набранного текста книги литовской печати могут также служить определенным свидетельством использования именно этого издания или конкретного экземпляра²⁴.

Интерес русского книжника к полемической литературе, выпускавшейся православными типографиями Великого княжества Литовского может быть показан и на примере заимствования лексики из «Книжицы» в шести разделах, выпущенной в Остроге в 1588 г. Давид Замарай работает не только с глоссами этой книги, но использует для статей словника и многочисленные «простомовные» слова непосредственно из ее текста. При этом он стремится рассказать русским читателям об упоминаемых в литовских книгах католических полемистах, историках. Появляются статьи о Петре Скарге, Бенедикте Гербесте, Матвее Меховском. Характер заимствуемых имен собственных говорит о том, что автор Азбуковника мог использовать в данном случае как печатные «Книжицу» и «Апокрисис» Христофора Филалета (М. Броневского), так и рукописную «Палинодию» Захарии Копыстенского.

Прения московских справщиков сначала с Лаврентием Зизанием, предполагавшим напечатать свой «Катехизис» в Москве, заручившись поддержкой патриарха Филарета, рассмотрение и последующее запрещение «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона (а потом и всех книг «литовской» печати в 1627 г.) – все эти события следует рассматривать в контексте сложившейся именно в это время исторической ситуации в Москве. Своеобразная охранительная тенденция в политике московских властей применительно к выходцам из Литвы и книгопечатной продукции соседнего государства явилась вполне обоснованной реакцией

²³ Например, «Сиронсия, посмеяние» (РГБ, Юдина, 4. Л. 103 об.), вместо «εἰρωνεία – посмеяние» (Беседы... на 14 посланий, Киев, 1623. Стб. 666).

²⁴ Так, глосса или, скорее, рубрика «Лавиринфъ» (Беседы... на 14 посланий. Стб. 35) набрана более мелким шрифтом, отчего середина слова плохо читаема и часть толкования после слова «закривленное» представляет определенную сложность в прочтении («Лавиринфъ есть мисце многими оулицами и закутками закривленное откуль до двери трафити трудно, а снати (?) не можно»). Написание заголовочного слова у Замарая опирается на печатный текст, плохо читаемая часть глоссы отброшена при написании толкования: «Лаоуринфъ глаголется местце, многи оулицами и закутками закривленное» (РГБ, Юдина, 4. Л. 64).

на притеснение там православия и продвижение униатства. Существует определенная схожесть лексики рукописного «Катехизиса 1600-го года», который по предположению М. А. Корзо²⁵, повлиял на труд Лаврентия Зизания, и катехитических статей Азбуковника Замааря. Так как оригинальная рукопись «Катехизиса» Зизания не найдена, на основании косвенных данных можно предположить, что Давид Замаарай мог быть среди справщиков, которые готовили к изданию «Катехизис» Зизания, а значит, мог использовать и «простомовные» слова из него для своего словаря.

Таким образом, нами установлено, что основные заимствования в части «польских» статей Азбуковник Давида Замааря приобретает из книг «литовской печати», вышедших до конца 20-х гг. XVII в. Именно тогда наиболее тесно русское правительство ведет общение с иерархами Киевской митрополии, и именно в это время происходит одно из знаковых событий – запрещение в Москве изданий, выпущенных в Великом княжестве Литовском.

Скудость сведений о жизни и деятельности московского справщика заставляет обратиться в решении вопросов, связанных с литературной историей его Азбуковника, как к сохранившимся рукописям этого книжного памятника, в большей степени к «авторским», так и к историческим фактам и документам эпохи. В разделе 4.4 *«Авторские рукописи нового Азбуковника в историческом контексте Нового времени»* объяснена предопределенность в развитии и распространении в списках новой разновидности Азбуковника. На основе рукописных документов из РГАДА объяснена заинтересованность выходцев из Литвы, приближенных к патриарху Филарету, в осуждении переизданий книг литовской печати в Московском государстве. Прослежена связь появления «авторских» рукописей Азбуковника Давида Замааря с процессами зарождающегося интереса, активного использования и запрета на распространение «литовских» книг.

В *Заключении* подводятся итоги исследования, рассматривающего древнерусский Азбуковник как непрерывно изменяющееся от одной разновидности к другой явление в русской литературе, прошедшее путь от небольших словарей, необходимых в переводческой практике, до сборников, имеющих устойчивую структуру и состав и подчиненных авторской концепции их составителей.

В ходе работы было установлено, что в составе грамматических сборников, наряду со словарями «первоначального этапа», часто встречаются произведения, относимые к литературе ереси «жидовствующих». Таковы «Лаодикийское послание», сочинение,

²⁵ Корзо М. А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. С. 317–353.

содержащее сведения по грамматике, графике, лексике и фонетике, и «Написание о грамоте» – эротематическое грамматическое сочинение. К этому же кругу стоит отнести и «Книгу глаголемую Буквы», выявленные нами основные части которой представлены в сборниках нелинейно, имеют «текучий» состав, способны включать в себя другие грамматические сочинения. Такая «текучая» природа грамматического сборника переносится в части конвоя нового сборника, словарные статьи в котором за счет их увеличения начинают играть ведущую роль, а сборник приобретает название «Азбуковник, или Алфавит», по наиболее значимому в нем произведению.

Комплекс сочинений, объединенных «Книгой глаголемой Буквы» в составе конвоя азбуковников, позволил нам выделить отдельную, Грамматическую, группу рукописей остававшейся неизученной Второй разновидности Азбуковника. К ней относится большая часть известных нам рукописей Второго Азбуковника (29 изученных *de visu*).

Другая группа списков отмечена присутствием в конвое Второго Азбуковника «Федоровской» редакции «Сказания о писменех» черноризца Храбра и Предисловия Иоанна экзарха Болгарского к переводу «Богословия» Дамаскина, эта группа появляется позднее, чем Грамматическая, создана на ее основе. По названию редакции «Сказания» азбуковники с ним в составе отнесены нами к Федоровской группе Второй разновидности Азбуковника (15 изученных рукописей).

Трансляция структуры грамматических сборников в Азбуковник Второго типа сопровождается увеличением словника за счет греческо-русского разговорника XV в. «Речи тонкословия греческого». Это вливание в текст словника графически оформлено в рукописях. Подобное же оформление появляется и в словнике Третьего Азбуковника для т. н. польских слов. Вероятно, это оформление и дало повод исследователям говорить об увеличении словника Азбуковника Давида Замарая за счет устной речи, по аналогии с оформлением заимствований из сочинения XV в. На конкретных примерах нами доказано, что все «польские», или «простомовные» слова из Азбуковника нового типа его создатель заимствует из современных ему полемических книг «литовской печати» к. XVI – нач. XVII в.

В ходе рассмотрения Азбуковника Давида Замарая, представленного наиболее репрезентативными «авторскими» рукописями, предлагается оригинальная гипотеза о появлении новой разновидности Азбуковника, прослеживается ее активное бытование и угасание рукописной традиции, связанное с планами московского правительства о переиздании «литовских» книг на Печатном дворе. Таким образом, подчеркивается тот факт, что как появление первоначальных сборников с лексикографическими текстами в нач. XVI в., так и создание и активное наполнение словника Азбуковника Давида Замарая в к. XVI – нач. XVII в.

напрямую связаны с теми религиозно-идеологическими вызовами, которые возникали перед русским обществом в эти исторические эпохи.

Перспективой дальнейшей разработки темы следует считать научное издание Азбуковника Давида Замарая, которое можно осуществить при условии выявления источников всех статей словника этого словаря. Предложенный принцип разбиения рукописей Второго Азбуковника на группы поможет классифицировать уже известные науке и те, что еще предстоит открыть, древнерусские сборники с этим произведением. Неизвестные еще науке рукописи могут в будущем помочь в подтверждении выдвинутой гипотезы о судьбе нового Азбуковника, разгадать загадку появления шифрованной записи, распределить по редакциям и составить точную стемму списков словаря Давида Замарая, а также дать больше фактической информации об авторе и читателях этого книжного памятника.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Юдин А. А. Сибирские списки Азбуковника (к проблеме текстологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 2. – С. 141–146; 0,7 п. л.
2. Юдин А. А. К проблеме жанра Азбуковника как четвѣго сборника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 8. – С. 88–95; 1 п. л.
3. Юдин А. А. К проблеме изучения так называемого Второго Азбуковника (Грамматическая и Федоровская группы списков) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 2. – С. 122–129; 1 п. л.
4. Юдин А. А. Новгородский Азбуковник: литературные источники, списки, редакции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 12: Филология. – С. 91–97; 0,8 п. л.
5. Юдин А. А. Польско-литовские материалы в азбуковнике Давида Замарая и украинское окружение патриарха Филарета // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 9. – С. 144–156; 1,6 п. л.
6. Юдин А. А. Азбуковник справщика Московского печатного двора Давида Замарая: время и слово // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. № 4. – С. 1132–1142; 0,6 п. л. (WoS, Scopus).

Научные публикации в других изданиях

7. Юдин А. А. Формирование сборников «образовательного» характера в XVII в. // Студент и научно-технический прогресс: материалы XL междунар. науч. студ. конф. Секц. Литературоведение. – Новосибирск, 2002. – С. 19–24; 0,1 п. л.
8. Юдин А. А. Традиции и новаторство русской учебной книги конца XVII века // Шестые Макушинские чтения: тез. докл. – Новосибирск, 2003. – С. 67–70; 0,2 п. л.
9. Юдин А. А. Комплекс произведений грамматического характера в сборнике из Тихомировского собрания № 41 ГПНТБ СО РАН // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст. – Новосибирск, 2003. – С. 165–173. – (Книга и литература); 0,5 п. л.
10. Юдин А. А. О составе сборников грамматического содержания в собрании рукописей М. Н. Тихомирова (Тих. 25 и Тих. 41 ГПНТБ СО РАН) // Восьмые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (13–15 мая 2009 г., Красноярск). – Новосибирск, 2009. – С. 57–60; 0,2 п. л.
11. Юдин А. А. «Грамматические» сочинения в сборниках XVII–XVIII веков из сибирских хранилищ // Гео-Сибирь–2009. Социально-гуманитарные процессы Сибирского региона: сб. материалов V междунар. науч. конгресса (Новосибирск, 20–24 апр. 2009 г.). – Новосибирск, 2009. – Т. 6. – С. 307–311; 0,3 п. л.
12. Юдин А. А. Древнерусские Азбуковники в собрании Музея книги ГПНТБ СО РАН // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев. – Новосибирск, 2010. – С. 77–86; 0,5 п. л.
13. Юдин А. А. Записи в древнерусских рукописях, содержащих Азбуковник, и их значение для изучения литературной истории памятника // Библиосфера. – 2010. – № 4. – С. 74–78; 0,6 п. л.
14. Юдин А. А. Третья разновидность древнерусского Азбуковника в рукописном собрании М. Н. Тихомирова // Девятые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (15–16 мая 2012 г., Барнаул). – Новосибирск, 2012. – С. 81–86; 0,3 п. л.
15. Юдин А. А. Белорусско-украинские источники словарных статей московского Азбуковника // Берковские чтения–2017. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы IV междунар. науч. конф. (Полоцк, 24–25 мая 2017 г.). – Москва; Минск, 2017. – С. 452–456; 0,2 п. л.
16. Юдин А. А. Азбуковник Давида Замарая: «польско-литовские» материалы // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России: сб. науч. ст. – Новосибирск, 2018. – С. 169–198. – (Книга и литература); 1,8 п. л.

17. Юдин А. А. Рукописи азбуковника Давида Замаля (к проблеме соотношения списков) // Библиосфера. – 2019. – № 1. – С. 36–41; 0,7 п. л.

18. Юдин А. А. Азбуковник Давида Замаля и грамматики «литовской печати» как источники его статей // Двенадцатые Макушинские чтения: материалы международной научной конференции (Тюмень, 25–27 мая 2021 г.). – Новосибирск, 2021. – С. 60–68; 0,5 п. л.

19. Юдин А. А. Древнерусские Азбуковники и «Временник» Ивана Тимофеева: путь к созданию авторского стиля // Исторический курьер. – 2022. – № 2 (22). – С. 42–62. – Текст : электронный; 1,8 п. л.